

**ЦЕЛИ РЕАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
(ПРИМЕНЕНИЯ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ):
ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ,
ОБОСНОВАННОСТЬ И УРОВНИ ДОСТИЖЕНИЯ**

В. В. Сверчков

Нижегородская академия МВД России

Поступила в редакцию 27 февраля 2012 г.

Аннотация: *в статье говорится об исторически сложившейся необходимости реализации уголовной ответственности, применения уголовных наказаний к лицам, совершившим предусмотренные уголовным законом деяния. Эта необходимость связана со стремлением государства и общества достичь определенных целей. Обоснованность целей должна зависеть от установления уровней для их достижения, от соответствия их данным уровням.*

Ключевые слова: *цель, реализация уголовной ответственности, уголовное наказание.*

Abstract: *the article is about the historical necessity of the realization of a criminal responsibility, using the criminal punishment for persons, who violated the law. This necessity is connected with the striving of the state and society to achieve definite purposes. The basis of these purposes must depend on the establishment of the levels for their realization, of the conformity for their definite levels.*

Key words: *purpose, realization of the criminal responsibility, criminal punishment.*

Уголовное наказание, равно как и иные меры уголовно-правового характера, является логическим продолжением уголовной ответственности, придающим морально-нравственному осуждению форму осуждения юридического. *Целью* в реализации уголовной ответственности и применения уголовного наказания можно назвать результат, который стремятся достичь государство и общество путем применения каких-либо мер воздействия. Однако вряд ли можно поставить знак равенства между целями реализации уголовной ответственности и применения уголовного наказания.

Думается, что в зависимости от формы поведения субъекта ответственность может быть как позитивной, так и негативной. Этим обеспечиваются функции права. Ответственность в позитивном аспекте отражает регулятивную функцию, в негативном – восстановительную, оба аспекта ответственности – охранительную и предупредительную функции воздействия на общественные отношения. Причем поощрение является лишь одной из форм реализации позитивной ответственности, вытекает из метода убеждения, а наказание является одной из форм реализации негативной ответственности, частью метода правового принуждения.

Таким образом, уголовная ответственность может проявиться не только в негативном, но и в позитивном аспекте. Одобрение предусмотренного уголовным законом правомерного поведения лица (выразившегося в причинении вреда в состоянии необходимой обороны, при задержании лица, совершившего преступление, и т.д.), которое может быть реализовано в поощрении, несомненно, свидетельствует о позитивной форме превенции, о восстановлении социальной справедливости как целях позитивной уголовной ответственности.

Цели применения уголовного наказания несколько уже целей уголовного законодательства (соотносятся как единичное и общее). *Главная цель уголовного законодательства* – охрана общества от посягательств, подрывающих условия его существования.

Достижение целей реализации уголовной ответственности (применения уголовного наказания) возможно сообразными правовыми средствами. Ответив на вопрос: чем является уголовная ответственность (уголовное наказание) – благом или злом, мы получим возможность определить и цели, и средства реализации уголовной ответственности (применения уголовного наказания).

Выдающийся идеолог немецкой уголовной политики, один из основоположников социологической школы Ф. фон Лист доказывал, что наказание есть зло, присуждаемое уголовным судьей преступнику за преступление, нарушение юридических благ, нарушение юридически защищенных интересов самим правопорядком, который в остальных случаях их охраняет¹. Вывод о том, что наказание есть воздаяние злом за зло, вытекает из рассуждений А. А. Жижиленко², Н. С. Таганцева³ (см. также теории наказания Ф. Штала, Ф. Каррары⁴). Н. О. Лосский оценивал наказание как зло за зло, пытался представить наказание в качестве справедливого воздаяния, доказывал, что общественные наказания (страдания) имеют характер производного имманентного наказания (угрызения совести, раскаяния)⁵. Г. В. Ф. Гегель утверждал: право – внешняя форма, воплощающая всеобщую и абсолютную волю, регулирующую отношения между людьми, поэтому наказание за совершенное преступление есть логическая справедливость, необходимая для восстановления права отрицанием

¹ См.: Лист Ф. Учебник уголовного права : Общая часть. М. : Тип. А. И. Мамонтова, 1903. С. 274 ; *Его же*. Задачи уголовной политики. Преступление как социально-патологическое явление / сост. и предисл. В. С. Овчинского. М. : Инфра-М, 2004. С. 65.

² Жижиленко А. А. Наказание : его понятие и отличие от других правоохранительных средств. Пг. : Правда, 1914. С. 33–34, 37–39, 52.

³ Таганцев Н. С. Русское уголовное право : лекции : часть Общая. Изд. 2-е. СПб. : Гос. тип., 1902. Т. 1, 2. С. 950–951.

⁴ См.: Познышев С. В. Основные вопросы учения о наказании // Ученые записки имперского университета. Юридического факультета. М. : Университетская тип. на Страстном бульваре, 1904. Вып. XXII. С. 74, 82.

⁵ См.: Лосский Н. О. Условия абсолютного добра. М. : Политиздат, 1991. С. 135, 146–147, 150, 151.

отрицания [Negation der Negation des Rechts]⁶. О восстановлении права как о поддержании государства и высоты достигнутого им благосостояния пишет С. В. Познышев, признавая при этом наказание достаточно чувствительным, но не жестоким злом. Де Местр же видел в наказании одну из форм осуществления мирового закона искупления зла⁷. С понятием наказания как правового акта восстановления нарушенной справедливости можно встретиться в рассуждениях С. И. Гессена⁸, И. Ф. Гербарта, Э. Г. Гейера, А. Ф. Бернера⁹.

Ч. Беккариа называл наказание крайней необходимостью¹⁰. А. И. Герцен утверждал, что наказание не правда, не восстановление справедливости, а печальная необходимость¹¹. Аналогичного мнения придерживался И. Анденес¹². К. Маркс, занимая мягкую позицию по наказанию, подобно Г. В. Ф. Гегелю, считал наказание средством самозащиты общества, восстановлением права и одновременно утверждал, что жестокость, не считающаяся ни с какими различиями, делает наказание совершенно безрезультатным, ибо она уничтожает наказание как результат права¹³. Ф. Р. Вейсс же предостерегал от снисхождения к одному человеку, которое может вылиться в жестокость ко многим: «...и чья-нибудь единичная жизнь становится выше, чем безопасность целого общества»¹⁴.

Некоторые авторы в уголовно-правовом принуждении (в уголовной ответственности) увидели необходимое, вынужденное и исторически переходящее средство социального контроля¹⁵. Их суждения об исторически

⁶ См.: *Кенни К.* Основы уголовного права. М.: Иностранная литература, 1949. С. 33; *Нерсесян А. А.* Вопросы наказуемости в уголовном праве ФРГ и США. М.: Наука, 1992. С. 14; *Познышев С. В.* Основные вопросы учения о наказании. С. 139; *Курс советского уголовного права*: в 6 т. / под ред. А. А. Пионтковского, П. С. Ромашкина, В. М. Чхиквадзе. Т. 3: часть Общая: Наказание. М.: Наука, 1970. С. 33.

⁷ См.: *Познышев С. В.* Основные вопросы учения о наказании. С. 56–57, 352, 361–362, 377.

⁸ *Гессен С. И.* Философия наказания // Логосъ (Международный ежегодник по философии культуры). М.: Мусaget, 1912–1913. Кн. 1, 2. С. 218.

⁹ См.: *Бернер А. Ф.* Учебник уголовного права: части Общая и Особенная: пер. и изд. Н. Неклюдова. СПб., 1865. Т. I: часть Общая. С. 34, 558; *Познышев С. В.* Основные вопросы учения о наказании. С. 153–173.

¹⁰ См.: *Беккариа Ч.* О преступлениях и наказаниях. М.: Стелс, 1995. С. 69, 71.

¹¹ См.: *Здравомыслов Б. В.* Уголовно-правовые взгляды русских революционеров-демократов А. И. Герцена, В. Г. Белинского, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова. М.: Госюриздат, 1959. С. 93.

¹² *Анденес И.* Наказание и предупреждение преступлений. М.: Прогресс, 1979. С. 161.

¹³ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Изд. 2-е. М.: Полит. лит., 1955. Т. 1. С. 123, 148; 1957. Т. 8. С. 530–531.

¹⁴ *Вейсс Ф. Р.* Нравственные основы жизни. Минск: Юнацва, 1994. С. 407.

¹⁵ См.: *Похмелькин В. В.* Социальная справедливость и уголовная ответственность. Красноярск: Краснояр. гос. ун-т, 1990. С. 98; *Устинов В. С.* Система предупредительного воздействия на преступность: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1988. С. 16; *Его же.* Система предупредительного воздействия на преступность и уголовно-правовая профилактика: учеб. пособие. М.: Академия МВД СССР, 1983. С. 30–31.

преходящем средстве наводят на мысль о конечном этапе уголовно-правового принуждения (уголовной ответственности), о том, что земное наказание – ничто.

В евангелизме идея непротivления злу насилieм обрeтает форму заповeдей: «...не противься злoму. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую..., кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду..., кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два. Прoсящему у тебя дай и от хотящего занять у тебя не отвращайся... Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас...» (от Матфея 5:19, 39–42, 44)¹⁶. Идея непротivления злу насилieм разрабатывалась в трудах Л. Н. Толстого¹⁷, М. К. Ганди¹⁸, М. Л. Кинга¹⁹, обосновывалась в древнеиндийских, буддистских, древнекитайских религиозных учениях. Основываясь на этой идее, злом можно признать как преступление, так и наказание за него.

Таким образом, и ответственность, и наказание представляются двуедиными: и относительным благом, и относительным злом. Ответственность проявляется в позитивном и негативном аспектах. В негативном аспекте она может быть реализована в форме наказания. Не будь в наказании блага, мы не смогли бы вернуть в правопослушное общество ни одного человека, преступившего закон, восстановить справедливость, в том числе возместить причиненный преступлением ущерб, иным образом загладить причиненный вред. Не будь в наказании зла, не существовало бы необходимости в страдании осужденного, в ущербности его прав и интересов. Уровень юридической культуры определяется минимизацией данного зла. По мнению М. Д. Шаргородского, основной принцип правильного применения наказания – целесообразность. Если наказание нецелесообразно, то применение его негуманно и незаконно²⁰.

В разные периоды обосновывалась необходимость реализации ответственности, применения наказаний к лицам, преступившим установленные в обществе нормы. Эта необходимость связывалась с достижением

¹⁶ Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового завета (канонические) в русском переводе с параллельными местами и приложениями. М. : Рос. библейское общество, 1999. – Новый Завет. С. 7–8.

¹⁷ Толстой Л. Н. Ходите в свет, пока есть свет : (повесть из времен древних христиан) // Полн. собр. соч. М. : Худ. лит., 1936. Т. 26. С. 290–292 ; Устинов В. С. Соотношение целей и методов борьбы с преступностью : лекция. Н. Новгород : НВШ МВД СССР, 1991. С. 7.

¹⁸ Ганди М. К. Моя жизнь. М. : Наука, 1969. С. 184, 250, 372, 426 ; Его же. Моя вера в ненасилие // Вопросы философии. 1992. № 3. С. 65–66.

¹⁹ Кинг М. Л. Есть у меня мечта... // Избр. труды и выступления. М. : Наука, 1970. С. 62, 79 ; Его же. Любите врагов ваших // Вопросы философии. 1992. № 3. С. 66–71.

²⁰ См.: Шаргородский М. Д. Вопросы общего учения о наказании в теории советского права на современном этапе // Сов. государство и право. 1961. № 10. С. 137.

различных целей. Возникали теории целей ответственности/наказания и группы таких теорий²¹.

Исторически первыми сформировались *теории возмездия*, иначе именуемые *этическими*, иначе – *эмоциональными, абсолютными*. Они исходят из направленности ответственности/наказания в прошлое. Цели ответственности/наказания – в расплате за совершенное преступление, т.е. возмездие, кара, воздаяние злом в ответ на зло, искупление вины, восстановление справедливости, нарушенного права, деформированных общественных отношений.

Первоначально справедливость восстанавливал сам потерпевший, осуществлявший ее в форме *частной мести*, затем выполнение данной функции перешло к семье потерпевшего, что воплотилось в *кровную месть*. Когда этим занялись общество и предводитель племени, ответственность приняла форму реализации *общественной мести*. Далее правом реализации овладела каста жрецов, окрестив наказание *божеским возмездием*. С тех пор наказание приобрело религиозную миссию, стало сопровождаться, как и всякий религиозный обряд, строгим формализмом и прониклось мистическим духом искупления и очищения²².

В древних законах дух наказания пронизывал каждый проступок человека. В основе наказания, в первую очередь, лежала духовность – ответственность перед божеством (см.: Ману, Вишну)²³. Идея о том, что земные преступления суть проступки перед божеством и что божество примиряется только с наказанием преступника, была распространена

²¹ См.: *Becchi P., Seelmann K.* Gaetano Filangieri und die europäische Aufklärung. Frankfurt am Mein ; Berlin ; Bern ; Bruxelles ; New York ; Oxford ; Wien : Land, 2000. P. 56–61 ; *Rehberg J.* Strafrecht II. Strafen und Massnahmen Jugendstrafrecht. Zürich : Schulthess, 2001. P. 2–4 ; *Seelmann K.* Strafrecht AT : Kurzlehrbuch zum Allgemeinen Teil des Schweizerischen Strafrechts. Basel : Genf : München : Helbing und Lichtenhahn, 1999. P. 19–21 ; *Бернер А. Ф.* Учебник уголовного права : части Общая и Особенная. Т. I. С. 7–42 ; *Владимиров Л. Е.* Курс уголовного права. М. : Тип. Товарищества И. Д. Сытина, 1908. Ч. I : Основы нынѣшняго уголовного права. С. 28–63 ; *Калмыковъ П. Д.* Учебник уголовного права : часть Общая. СПб. : Тип. Товарищества «Общественная польза», 1866. С. 158–176 ; *Кистяковский А. Ф.* Элементарный учебник общаго уголовного права : часть Общая. 3-е изд. Київ : Изд. Ф. А. Югансона, 1891. С. 132 и след. ; *Познышев С. В.* Основные вопросы учения о наказании. С. 27 и след. ; *Принсъ А.* Защита общества и преобразование уголовного права / подъ ред. и съ предисл. Г. С. Фельдштейна ; пер. съ фр. Е. Маркеловой. М. : ТД «В. И. Знаменский и К^о», 1912. С. 57 и след. ; *Спасовичъ В. Д.* Учебник уголовного права. СПб. : Тип. Иосафата Огризко, 1863. Т. I, вып. 1 : Общая часть уголовного права материальнаго. С. 15–49 ; *Таганцев Н. С.* Русское уголовное право : лекции : в 2 т. Тула : Автограф, 2001. Т. 2. С. 60–97 ; *Устинов В. С.* Цели наказания и их соотношение с целями уголовного законодательства // Защита личности в уголовном праве : межвуз. сб. науч. тр. Екатеринбург : СЮИ, 1992. С. 49–58 ; *Фойницкий И. Я.* Учение о наказании в связи с тюремоведением. М. : Добросвет-2000 : Городец, 2000. С. 56–68.

²² См.: *Ферри Э.* Уголовная социология. М. : Изд. В. М. Саблина, 1908. С. 321.

²³ См.: *Мэнъ Г. С.* Древній законъ и обычай : изслѣдованія по исторіи древняго права. М. : Тип. А. И. Мамонтова и К^о, 1884. С. 24–25, 31.

у древних римлян²⁴. Не явились исключением в этом отношении и славяне. Так, убитому Лжедмитрию I как вурдалаку вбили в сердце кол, а затем сожгли, причем огонь должен был символизировать ад. Некому наместнику, в пьяном виде стрелявшему в икону Богородицы, отрубили на плахе дерзновенные руки, затем самого сожгли на площади. Целование креста являло незыблемость данного слова, очистительной силе огня противостояла дьявольская роль воды (XVII в.)²⁵. Н. М. Карамзин, анализируя Правду Ярослава, пишет, что без нее «мы не знали бы, что древние Россияне, подобно другим народам, употребляли железо и воду для изобличения преступников: обыкновение безрассудное и жестокое, славное в Истории средних веков под именем суда *Небесного*»²⁶.

В числе этических (эмоциональных, абсолютных) теории: *талиона физического* (жизнь за жизнь, око за око, зуб за зуб и т.д.); *божеского возмездия* (кара преступника необходима для того, чтобы умиловать божество и смягчить его гнев; иными словами, кровь, мучения и истязания очищают, омывают, искупают вину; они направлены на то, чтобы получить божескую милость); *нравственного возмездия* – по И. Канту: нравственный (категорический) императив требует отплаты равным за равное – злом за зло: страдания потерпевшего от преступления должны быть уравнены, искуплены страданием от наказания виновного в совершении преступления; *диалектического возмездия* – согласно Г. В. Ф. Гегелю, преступление как отрицание правомерного поведения должно быть снято наказанием как отрицанием этого преступления; снятие (отрицание) преступления есть возмездие, а возмездие есть по своему понятию нарушение нарушения.

С развитием цивилизации ответственность перестала довлеть занесенным над головами людей мечом бога и царя, перестала довлеть карой, возмездием. С одной стороны, указанные цели ответственности/наказания заняли прочное место в сознании людей, поскольку получили оправдание в Священных писменах (Ветхом Завете, Коране) и фундаментальных философских трудах.

Так, в Ветхом Завете говорится о недопущении убийств, прелюбодеяний, краж, причинении иного материального ущерба, лжесвидетельства, мужеложства, скотоложства, побоев, телесных повреждений, злословий, колдовства, богохульства и т.д. (Исход 20:13–16; 21:12, 14–17; 22:18–20; Левит 20:6, 9–13, 15, 27; 24:16, 17, 19, 21). В противном случае Господь должен покарать виновника мечом смерти либо «...если будет вред, то отдай душу за душу, глаз за глаз, зуб за зуб, руку за руку, ногу за ногу, обожжение за обожжение, рану за рану, ушиб за ушиб..., перелом за перелом, око за око, зуб за зуб: как он сделал повреждение на теле че-

²⁴ См.: Моммзен Т. История Рима. СПб. : Лениздат, 1993. С. 26.

²⁵ См.: Рогов В. А. Уголовные наказания и репрессии в России середины XV – середины XVII вв. М. : ВЗПИ : АО Росвузнаука, 1992. С. 53–54, 56.

²⁶ Карамзин Н. М. История государства Российского : в 12 т. М. : Наука, 1991. Т. 2, 3. С. 40.

ловека, так и ему должно сделать» (Исход 21:23–25; Левит 24:19–21)²⁷. В Коране речь идет о возмездии, равном посягательству: «душа – за душу, око – за око, нос – за нос, ухо – за ухо, зуб – за зуб, а за раны – возмездие», о том, что возмездием за зло является равноценное зло, однако прощение и мир являются важнее возмездия (2:194; 5:45; 42:40)²⁸.

И. Кант, обосновавший учение о нравственности и законе, утверждал: преступника необходимо признать подлежащим наказанию до того, как возникнет мысль о том, что из этого наказания можно извлечь пользу для него самого или для его сограждан. Достижение абстрактной справедливости он считал возможным только посредством применения права возмездия (*ius talionis*) – наказание должно быть равно причиненному ущербу: «то зло, которое ты причиняешь кому-нибудь другому в народе, не заслуживающему его, ты причиняешь и самому себе. Оскорбляешь ты другого – значит ты оскорбляешь себя; крадешь у него – значит обкрадываешь самого себя; бьешь его – значит сам себя бьешь; убиваешь его – значит убиваешь самого себя»²⁹.

С другой стороны, общество нуждалось в превентивно-воспитательном эффекте наказания хотя бы для того, чтобы наряду с ублажением потерпевшей от преступления стороны устрашать, предостерегать от преступного поведения иных сограждан. Оправдание этому общество получило.

Как своего рода противовес теориям возмездия возникли *теории полезности*, иначе называемые *утилитарными*, иначе – *прагматическими, относительными*. Эти теории, по убеждению их приверженцев, исходят из направленности наказания в будущее. Цели относительной полезности – предупреждение преступлений и исправление правонарушителей, их социальная реабилитация.

Идеи, положенные в основу данных теорий, восходят к дохристианской эпохе. Так, Сенека выражал суждения Платона и теорию наказания следующим образом: «*Nemo prudens punit, quia peccatum est; sed ne peccetur*» (лат. – всякий благоразумный человек наказывает не потому, что был совершен проступок, но для того, чтобы он не совершался впредь)³⁰. Вместе с тем многим из теорий близка позиция Ч. Беккариа, книга которого пользовалась большой популярностью не только среди

²⁷ См.: Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового завета (канонические) в русском переводе с параллельными местами и приложениями. М. : Рос. библейское общество, 1999. – Ветхий Завет. С. 89–91, 139–140, 145.

²⁸ См.: Коран / пер. смыслов и комментарии Э. Р. Кулиева. Изд. 3-е. М. : Умма, 2004. С. 54, 139, 511.

²⁹ Кант И. Метафизика нравов : в 2-х ч. Ч. 1 : Метафизические начала учения о праве // Соч. : в 6 т. М. : Мысль, 1965. Т. 4, ч. 2. С. 256–257. См. также: Вейсс Ф. Р. Нравственные основы жизни. С. 408 ; Жижиленко А. А. Наказание : его понятие и отличие от других правоохранительных средств. С. 143 ; Курс советского уголовного права : в 6 т. Т. 3 : часть Общая. С. 32–33.

³⁰ См.: Шопенгауэр А. О четверяком корне... Мир как воля и представление. Т. 1 : Критика кантовской философии : пер. с нем. / Ин-т философии. М. : Наука, 1993. С. 447, 625.

ученых-правоведов и философов, но и среди власть имущих людей. Он видел предназначение наказания и в индивидуальном предупреждении новых деяний преступника, наносящих вред его согражданам, и в удержании других от подобных действий³¹.

Эта мысль получила развитие в работах представителей не только классической школы уголовного права, но и иных школ и направлений. В частности, Ф. фон Лист полагал, что помимо основной задачи наказания – предотвращения совершения виновным новых преступлений в будущем (*Specialpra`vention*) – принудительное осуществление наказания влияет и на общее предупреждение (*Generalpra`vention*)³².

В. Г. Белинский считал, что дело общества не мстить наказанием за проступок, а исправить наказанием преступника³³. К. Д. А. Редер, в свою очередь, выделял два вида подобного исправления: нравственное и юридическое³⁴. Председательствующий до 1812 г. в Московской уголовной палате И. В. Лопухин высказывал мысль о наказании как о триединой сущности. «Наказание имеет тройкую цель, – писал он, – исправление преступника, пример для устрашения других и устранение из общества преступника, нарушающего его спокойствие и отрицательно влияющего на других»³⁵.

Идеи просветителей-гуманистов и последователей классической школы уголовного права оказались несколько стесненными результатами исследований сторонников антропологической и социологической школ. Так, Э. Ферри утверждал: «При всякой пенитенциарной системе существуют такие типы преступников, исправление которых невозможно или чрезвычайно трудно и ненадежно ввиду их органических или психических ненормальностей... а закон насыщения преступности научно доказывает, что наказания, в которых, вопреки чисто-платоническим заявлениям, продолжают до сих пор видеть лучшее средство для борьбы с преступностью, не имеет приписываемого им значения, – преступность увеличивается и уменьшается под влиянием причин совершенно иных... необходимость юридической (социальной) обороны дает единственное положительное оправдание праву наказания...»³⁶. Ранее эта мысль проявилась в рассуждениях Ч. Ломброзо, по словам которого, современная система наказаний ни в коем случае не может влиять на исправление закоренелого преступника³⁷.

³¹ См.: Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. С. 106, 130.

³² См.: Лист Ф. Учебник уголовного права : Общая часть. С. 70–71 ; *Его же*. Задачи уголовной политики. Преступление как социально-патологическое явление. С. 79–80.

³³ См.: *Здравомыслов Б. В.* Уголовно-правовые взгляды русских революционеров-демократов... С. 105.

³⁴ См.: Ферри Э. Уголовная социология. С. 3.

³⁵ См.: *Солодкин И.И.* Очерки по истории русского уголовного права : (первая четверть XIX в.). Л. : ЛГУ им. А. А. Жданова, 1961. С. 45.

³⁶ См.: Ферри Э. Уголовная социология. С. 3, 213, 330, 401, 411–412.

³⁷ См.: *Ломброзо Ч.* Преступление. М. : Спарк, 1994. С. 56.

В числе утилитарных (прагматических, относительных) теорий: *устрашения* (применительно к лицам, готовящимся совершить преступление); *предупреждения* общего или частного (созданной в развитие теории устрашения); *исправления* (применительно к преступнику с тем, чтобы он перестал быть опасным для общества, чтобы изменил свое понимание о добре как личной выгоде за счет несчастья других людей); *общественной охраны* (в физическом удержании, лишении преступника физической возможности вредить, его исправлении, устрашении, в воздействии наказанием на других лиц, в удовлетворении потерпевшего и т.д.). В отечественном уголовном праве утилитарные взгляды на цели наказания высказывали А. Е. Ефимов, М. И. Ковалев, С. В. Познышев, Н. А. Стручков, Е. А. Фролов, М. Д. Шаргородский и некоторые другие авторы.

Идея о том, что предупреждение преступлений – лучшая стратегия избежания подпитки системы уголовного правосудия, лежит в основе новых социальных стратегий и правосудия по уголовным делам, является предметом обсуждения на международных конференциях криминологических исследований³⁸.

Наконец, более современные – *смешанные теории*, иначе именуемые *этико-утилитарными*, иначе – *эмоционально-прагматическими, соединительными*. Эти теории интегрируют (правда, иногда эклектично) предыдущие концепции.

Среди этико-утилитарных (эмоционально-прагматических, соединительных) можно выделить теории, выражающие цели ответственности/наказания: а) в уничтожении чувственных потребностей, влекущих к правонарушениям, в устрашении всех потенциальных правонарушителей (П. И. А. Фейербах), а также в их остережении и предостережении (А. Бауэр); б) в отмщении, достижении общественного блага, восстановлении справедливости (Ю. Ф. Г. Абегг); в) в восстановлении права, искуплении вины, исправлении преступника (Х. Р. Кестлин); г) в удовлетворяющем, исправляющем и устрашающем возмездии (А. Ф. Бернер); и т.д. Этико-утилитарные взгляды на цели наказания выражали и отечественные ученые: Н. А. Беляев, А. А. Пионтковский, Н. Д. Сергеевский, Н. С. Таганцев, И. Я. Фойницкий и многие другие.

Между тем вопрос о каре как цели уголовного наказания не перестает тревожить и ученых, и законодателей. Некоторые авторы предлагали рассматривать кару в качестве одной из целей наказания³⁹. Более того, кара

³⁸ См.: New social strategies and the criminal justice system : 19th Criminological Research Conference (Strasbourg, 26–29.11.1990) // Criminological Research, Vol. XXIX. Council of Europe Press, 1994. P. 91 ; Psychosocial interventions in the criminal justice system : Reports presented to the 20th Criminological Research Conference (Strasbourg, 22–25.11.1993) // Criminological Research, Vol. XXXI. Council of Europe Press, 1995. P. 51 etc., 203–205.

³⁹ См.: Беляев Н. А. Избранные труды. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. С. 304, 318 ; Карпец И. И. Наказание : социальные, правовые и криминологические проблемы. М. : Юрид. лит., 1973. С. 138–147 ; Его же. Индивидуализация наказания в советском уголовном праве. М.: Юрид. лит., 1961. С. 38 и след.

как цель наказания получила закрепление в законодательствах отдельных государств (см., например, ч. 2 ст. 50 Уголовного кодекса Украины).

Следует заметить, что кара (иными словами, претерпевание виновным лицом лишения морального, физического, имущественного характера) имеет место в случае применения не только наказания, но и любой другой меры уголовно-правового характера, будь то условное осуждение или применение принудительных мер воспитательного воздействия. Различие между ними лишь в их карательном потенциале, силе воздействия. Таким образом, кара предстает перед нами не чем иным, как *содержанием* принудительных мер воздействия, в том числе уголовного наказания.

В настоящее время теории уголовного наказания также группируются в зависимости от целенаправленности. Зарубежные ученые, следуя исторически сложившимся теориям целей наказания⁴⁰, развивая их, выделяют обычно две большие группы теорий наказания⁴¹: *абсолютные* теории (наказание рассматривается для общества еще не как достаточная легитимизация, а как обоснование требования наказания для преступника) и *относительные* теории (удовлетворяется для легитимизации наказание его пользой для общества: цель наказания в специальном или общем предупреждении совершения преступлений)⁴². В остальном существует множество объединяющих теорий⁴³, которые, по словам К. Seelmann'a, комбинируют элементы различных теорий наказания между собой, например, легитимизирующее уголовное законодательство должно быть предупреждающим уголовное наказание, «абсолютным», исполнение наказания – социально предупреждающим; или генеральная легити-

⁴⁰ Например, В. Д. Спасович и А. Ф. Кистяковский в своих учебниках уголовного права рассматривали исторически сложившиеся группы абсолютных, относительных, смешанных теорий, а также учения, отвергающие государственное право наказывания (см.: *Спасовичъ В. Д. Учебникъ уголовного права. Т. 1, вып. 1. С. 15–49*; *Кистяковский А. Ф. Элементарный учебникъ общаго уголовного права : часть Общая. С. 132–173*). А. Ф. Бернер различал относительные, абсолютные и соединительные (посредствующие между ними) теории права наказывать (см.: *Бернер А. Ф. Учебникъ уголовного права : части Общая и Особенная. Т. I. С. 7–42*). П. Д. Калмыков философские теории о сущности наказания разделял на относительные, безусловные и соединительные (посредствующие) (см.: *Калмыковъ П. Д. Учебникъ уголовного права : часть Общая. С. 159–176*). Л. Е. Владимиров в курсе уголовного права описывал абсолютные, относительные, смешанные теории, а также теории, отвергающие уголовное наказание, и теории опеки (см.: *Владимиров Л. Е. Курсъ уголовного права. Ч. I. С. 28–63*).

⁴¹ Еще в середине XIX века А. Ф. Бернер отмечал, что разделение теорий на относительные и абсолютные принадлежит Германии, однако оно так справедливо, что принято и за границей (см.: *Бернер А. Ф. Учебникъ уголовного права : части Общая и Особенная. Т. I. С. 7*).

⁴² См.: *Rehberg J. Strafrecht II. Strafen und Massnahmen Jugendstrafrecht. P. 2–4*; *Seelmann K. Strafrecht AT : Kurzlehrbuch zum Allgemeinen Teil des Schweizerischen Strafrechts. P. 19–21*.

⁴³ См.: *Rehberg J. Strafrecht II. Strafen und Massnahmen Jugendstrafrecht. P. 4*; *Seelmann K. Strafrecht AT : Kurzlehrbuch zum Allgemeinen Teil des Schweizerischen Strafrechts. P. 21*.

мизация должна быть полной предупреждающей, в отдельных случаях действительно специальное предупреждение, предельной границей наказания могло бы быть «абсолютное» понятие «возмещение ущерба»⁴⁴.

Российское уголовное законодательство, впитав идеи этико-утилитарных теорий, закрепляет следующие цели назначения наказания (так формулируются они в законе): а) восстановление социальной справедливости; б) исправление осужденного; в) предупреждение совершения новых преступлений (см. ч. 2 ст. 43 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)). Цели уголовной ответственности в УК РФ не определены.

Хочется надеяться, что законодатель, разработчики ст. 43 УК РФ, употребив термин «цель» во множественном числе, все же разделяют нашу (с В. Т. Томиным) позицию, согласно которой *у всякой целеустремленной системы на одном уровне может быть только одна специфическая цель*. Если целей несколько, и они действительно разные, то в какой-то ситуации они неизбежно войдут в противоречие друг с другом. Данное правило относится и к целям реализации уголовной ответственности, и к целям применения уголовного наказания.

Система назначения и исполнения предусмотренных уголовным законом наказаний (см. гл. 9, 10 УК РФ) направлена на достижение указанных целей. Для того чтобы эта система не оказалась в положении буриданова осла, целесообразно прежде постановки соответствующей цели наказания определить тот уровень влияния наказания на объект воздействия, на котором эта цель, не вступая в противоречия с другими целями, может быть достигнута. Иными словами, *каждая провозглашаемая цель уголовного наказания должна соответствовать своему уровню: личностному, социальному или смешанному* (включающему в себя и личностный, и социальный). Достижение целей применения уголовного наказания на любом уровне зависит от возможности реализации его функций⁴⁵. На ука-

⁴⁴ *Seelmann K.* Strafrecht AT : Kurzlehrbuch zum Allgemeinen Teil des Schweizerischen Strafrechts. P. 21.

⁴⁵ Уголовное наказание способно выполнить охранительную, регулятивную, воспитательную (общепринятые) функции, а также социально-превентивную, ценностно-ориентационную, оценочную, юридико-регулятивную, социально-интегративную, системно-правовую, поддержания и укрепления государственной власти (см.: *Злобин Г. А.* О необходимости концептуального подхода к совершенствованию уголовного законодательства // Конституция СССР и дальнейшее укрепление законности и правопорядка : [Материалы конф., 3–6 окт. 1978 г. / редкол.: Кудрявцев В. Н. (пред.) и др.]. М. : ИГПАН, 1979. С. 75–77). В связи с этим особым вниманием заслуживает высказывание В. А. Никонова о том, что наказание никаких целей иметь не может, поскольку целеполагание присуще только человеку – носителю сознания. Наказанию же присущи не цели, а функции (см.: *Никонов В. А.* Эффективность общепредупредительного воздействия уголовного наказания : (теоретико-методологическое исследование) : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1994. С. 12). Данную позицию заняли и другие авторы, рассуждая о целях принудительных мер медицинского характера (см.: *Павлухин А. Н., Жарко Н. В., Хоуха З. Д.* Принудительные меры медицинского характера : (уголовно-

занных уровнях должны располагаться и соответствующие цели реализации уголовной ответственности.

Обоснованность цели, отмеченной в ч. 2 ст. 43 УК РФ, зависит от соответствия ее определенному уровню.

Первой из названных законодателем целей применения уголовного наказания (реализации уголовной ответственности) является **восстановление социальной справедливости**. Эта цель расположена на *общесоциальном уровне* (разновидности социального уровня), и о ее достижении свидетельствуют: возмещение причиненного преступлением вреда личности, обществу, государству, заглаживание его иным образом, назначение мер уголовно-правового воздействия, в том числе наказания, соразмерного общественной опасности совершенного деяния и личности виновного (в позитивном аспекте уголовной ответственности – одобрение обществом и государством причиненного лицом вреда вследствие защиты или согласия (желания) на то «потерпевшего»).

В религиозной системе права, в частности мусульманской, предусмотрена возможность реализации ответственности в зависимости от позиции потерпевшего, а если он мертв, – его правонаследников (родственников). Эта идея получила выражение в представленных этических (эмоциональных) теориях целей наказания и в настоящее время может быть выражена в принятии судебного решения в связи с совершением преступления категории *кисас* (убийства, причинения неизгладимого вреда здоровью потерпевшего и пр.).

Согласно преданию, в случае умышленного лишения жизни потерпевшего Пророк предлагал пострадавшей стороне выбрать одно из трех – смертную казнь, прощение преступника или принятие от него выкупа за кровь (дийа). Право такого выбора предоставлялось наследникам убитого. И если они выбирали *дийа*, то в их распоряжение поступало денежное или имущественное воздаяние в существенном размере. В частности, выкуп за кровь при убийстве свободного мусульманина – 100 верблюдов или их денежный эквивалент в одну тысячу золотых динаров либо 12 тысяч динаров в бумажных деньгах; при убийстве женщины размер своеобразной компенсации уменьшался вдвое⁴⁶. В Саудовской Аравии размер полного выкупа за кровь (дийа) в случае умышленного лишения жизни потерпевшего составил 45 тысяч риалов⁴⁷. Более того, основные толки мусульманского права (кроме шафиитского) в качестве ответственности за убийство несовершеннолетним или умалишенным предусмотрели только уплату дийа. Лицо, лишившее потерпевшего жизни по неосторожности, должно было помимо уплаты дийа нести религиозное искупление каффары. Об этом же говорится в Коране (4:92)⁴⁸.

правовой аспект) / под ред. А. Н. Павлухина. М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2007. С. 69). Однако это – тема для отдельного обстоятельного разговора.

⁴⁶ См.: Сюкияйнен Л. Р. Мусульманское право : вопросы теории и практики. М. : Наука. Главная редакция восточной литературы, 1986. С. 193–194.

⁴⁷ Там же. С. 204.

⁴⁸ См.: Коран / пер. смыслов и комментарии Э. Р. Кулиева. Изд. 3-е. С. 117 ; Сюкияйнен Л. Р. Мусульманское право... С. 195.

Схожая с дийа компенсация имела место в Древнерусском государстве. Краткая редакция Русской Правды предусматривала наряду с вирой мечь обидчику (виновному) стороной обиженного (потерпевшим, его родственниками), а также платеж потерпевшему, его родственникам (первоначально: так называемое *головничество*⁴⁹) в случае их отказа от мести или невозможности осуществить мечь.

Х. Рустамов, анализируя кавказские адаты и маслагаты⁵⁰, пишет об обычном мусульманском праве: «...Наказание, будучи реакцией на преступление со стороны общества, имеет здесь целью не воздаяние преступнику за его деяния, не исправление или устрашение преступника, не подавление порочных инстинктов населения, ни даже освобождение общества от опасных элементов, а только восстановление внутри общества мира, нарушенного преступлением»⁵¹.

Криминологи современной Европы в разработке новых социальных стратегий противостояния преступности также обращают внимание на отдельные социальные группы. Так, L. Walgrave (Бельгия), формулируя выводы и рекомендации 19-й конференции криминологических исследований (г. Страсбург, 26—29.11.1990 г.), указывает, что для определенных социальных групп необходимы специфические социальные программы. Эти программы обычно функционируют на локальном уровне, включают действия, сфокусированные на все факторы, которые могут вызвать преступное поведение⁵². Данные программы явились как предметом, так и средством дальнейших криминологических исследований. В частности, на 20-й конференции криминологических исследований (г. Страсбург, 22—25.11.1993 г.) обсуждались посредническая и компенсационная программы психосоциального вмешательства, направленного на решение конфликта между преступником и жертвой (докладчик А. Snare (Дания)). В рекомендациях конференции, которые сформулировал основной докладчик R. Hood (Великобритания), отмечается необходимость продвижения данных программ и связанных с ними исследований как Советом Европы, так и правительствами соответствующих государств⁵³.

Ознакомление с древнерусским головничеством, мусульманскими кisas и дийа, кавказскими адатами и маслагатами, результатами криминологических исследований приводит к мысли о возможности выделения

⁴⁹ Возможно, это плата за голову убитого.

⁵⁰ *Маслагат* (в мусульманском праве) – решение по общественному вопросу, принятое на мирской сходке. Маслагатом также именовался Совет старейшин (горцев Кавказа). Многократное применение маслагата становилось *адатом* – обычаем.

⁵¹ *Рустамов Х.* Уголовный процесс : формы : учеб. пособие для вузов. М. : Закон и право : ЮНИТИ, 1998. С. 111.

⁵² См.: *New social strategies and the criminal justice system : 19th Criminological Research Conference (Strasbourg, 26–29.11.1990)*. P. 91.

⁵³ См.: *Psychosocial interventions in the criminal justice system : Reports presented to the 20th Criminological Research Conference (Strasbourg, 22–25.11.1993)*. P. 51, 204–205.

нового уровня уголовно-правового целеполагания. Это – *уровень социальной группы* (разновидность социального уровня). Здесь целью применения мер уголовно-правового воздействия может быть **восстановление нарушенного внутри социальной группы мира с учетом позиции потерпевшего (его представителей)**. Особенно актуально распространение данной цели на территориях религиозно-национальных групп. Применение принудительных мер уголовно-правового характера должно учитывать национальные особенности (традиции, обычаи) для того, чтобы сохранить от разрушения (вражды, мести) родственную или межродовую среду.

Целями применения уголовного наказания (реализации уголовной ответственности в негативном аспекте) других уровней, связанными с целью восстановления социальной справедливости, являются исправление лица, совершившего преступление, и предупреждение совершения новых преступлений.

Думается, что **исправление лица, совершившего преступление**, заключающееся в применении к нему мер принуждения в такой степени, чтобы оно утратило общественную опасность, осознало упречность своего преступного поведения, убедилось в необходимости правомерного поведения, находится на *личностном уровне* целей наказания. Исправление осужденного достигается посредством, во-первых, назначения наказания, адекватного совершенному преступлению и личности виновного; во-вторых, исполнения назначенного наказания. Если исправление осужденного возможно применением к нему более мягкого наказания или прежде истечения назначенного срока наказания, то суд вправе изменить качественные или количественные характеристики принудительных мер воздействия, например, заменить уголовное наказание другим — более мягким, освободить лицо от отбывания наказания условно-досрочно и т.д.

Наконец, **предупреждение совершения новых преступлений** как цель реализации уголовной ответственности (применения уголовного наказания). Представляется, что она расположена на *смешанном уровне* целей, одновременно вбирающем в себя и личностный (выражающий специальную (частную) превенцию), и социальный (выражающий общую превенцию) уровни.

Общая превенция означает формирование в сознании людей образа должного правомерного поведения и убежденности в недопущении совершения преступлений. Суть ее: во-первых, сформировать в сознании российских граждан и иных лиц модель необходимого правопослушного поведения и, во-вторых, примером наказания или других мер уголовно-правового воздействия (в негативном аспекте уголовной ответственности), либо примером поощрения) в позитивном аспекте уголовной ответственности) удержать людей от совершения преступлений. *Частная превенция* означает применение принудительного воздействия к лицу, совершившему предусмотренное уголовным законом деяние, с тем чтобы оно не смогло в будущем совершить общественно опасное деяние. При

этом назначение мер уголовно-правового характера не имеет и не может иметь в цивилизованном обществе цели причинения физических страданий или унижения человеческого достоинства.

Таким образом, обоснованность цели зависит от необходимости установления уровня для ее достижения, от соответствия ее данному уровню. Реальная возможность достижения разноуровневых целей назначения уголовного наказания, иной реализации уголовной ответственности способна обеспечить принятие правоприменителем справедливого решения, в том числе посредством судебного приговора, в отношении лица, совершившего предусмотренное уголовным законом деяние, направлена на формирование последовательной политики государства в области противостояния преступности, свидетельствует об эффективности уголовного законодательства.

*Нижегородская академия МВД России
Сверчков В. В., доктор юридических наук,
профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права
E-mail: sverchkov14@mail.ru
Тел.: 8(831)465-58-77*

Nizhny Novgorod Academy of The Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

*Sverchkov V. V., Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Professor of the Criminal and Penal Law Department
E-mail: sverchkov14@mail.ru
Tel.: 8(831)465-58-77*